

## НОВЫЯ КНИГИ

---

*Православная Мысль*. Труды Православнаго Богословскаго Института въ Парижѣ. Выпускъ II. Парижъ 1930. Статьи С. С. Безобразова, о . прот. Сергія Булгакова, Н. Н. Глубоковскаго, В. В. Зѣньковскаго, Г. П. Федотова, Г. В. Флоровскаго съ присоединеніемъ очерка Л. А. Зандера о храмовой росписи обители Преп. Сергія съ приложеніемъ отчета о дѣятельности Православнаго Богословскаго Института за трехлѣтіе 1927-1930 г. г. стр. 209.

Сборникъ посвященъ проф. Н. Н. Глубоковскому по случаю исполнившагося сороколѣтія его ученой дѣятельности и украшенъ статьей маститаго юбиляра.

Надо отдать справедливость сборнику — онъ чрезвычайно насыщенъ и статьи его могли бы сдѣлать честь любому академическому изданію.

Сборникъ открывается статьей проф. С. С. Безобразова — «Завѣщаніе іудеохристіанства». Въ этой работѣ авторъ, вооруженный всѣмъ вспомогательнымъ аппаратомъ новѣйшей ученой литературы, разбираетъ и рѣшаетъ большой принципіальной важности проблему іудеохристіанства съ точки зрѣнія взаимоотношеній соборнаго посланія ап. Іакова, брата Господня и загадочнаго посланія къ Евреямъ, относимаго церковной традиціей къ авторству ап. Павла. Вопреки мнѣнію Spitta, Zahn'a, Mayer'a, проф. С. С. Безобразовъ полагаетъ, что поздняя дата написанія посланія Іакова (шестидесятые годы I-го вѣка) «заслуживаетъ значительнаго предпочтенія», въ чемъ онъ согласенъ съ Cornely и Merck'омъ. Цѣль посланія — «Іаковъ имѣлъ намѣреніе дать наставленіе въ христіанской морали, находящейся, по его убѣжденію, въ полномъ согласіи съ этическимъ ученіемъ Ветхаго Завѣта, на почвѣ котораго онъ стоитъ» (стр. 22). Авторъ статьи полагаетъ, что обращеніе къ двѣнадцати колѣнамъ, стоящее въ началѣ посланія, имѣетъ въ

виду весь христiанскій мiръ (стр. 23). Итакъ, время написанiя — шестидесятые годы, — цѣль посланiя — «практическая въ духѣ Ветхаго Завѣта; адресатъ не iудеохристiанинъ, а Новый Израиль, весь христiанскій мiръ» (стр. 24). Посланiе къ Евреямъ, тоже написанное въ духѣ Ветхаго Завѣта, тоже прекраснымъ греческимъ языкомъ, содержитъ, какъ это уже было отмѣчено, рядъ параллельныхъ посланiю Иакова мѣстъ. Духъ — несомнѣнно Павловъ, и вышло это посланiе, по всей вѣроятности изъ Павловой группы италiйскихъ христiанъ. Хотя проф. С. С. Безобразовъ не принимаетъ въ цѣломъ тезы Holtzmann'a о томъ, что посланiе Иакова есть отвѣтъ iудеохристiанъ, уязвленныхъ острымъ тономъ посланiя къ Евреямъ, однако онъ считаетъ, что въ этомъ построении есть «драгоцѣнные крупицы истины» (стр. 30). Онъ полагаетъ, что дата посланiя къ Евреямъ — тоже шестидесятые годы и что поэтому «посланiе Иакова есть iудеохристiанскій отвѣтъ на манифестъ италiйскихъ христiанъ» (стр. 47) — согласно даннымъ Hausrath'a. Само посланiе Иакова является, такимъ образомъ, «завѣщанiемъ iудеохристiанства» (стр. 55). «Его этический паѳосъ, его призывъ къ социальной справедливости сохраняетъ все свое значенiе и для насъ» (стр. 56).

Проблема, разобранныя въ этой статьѣ, имѣетъ огромный исторiософскій интересъ. Социально - моральный паѳосъ iудеохристiанства и мистическiй символизмъ церковной онтологiи вступаетъ здѣсь въ диалектическiй конфликтъ, вскрывается такимъ образомъ творческая диалектика внутри самого христiанства.

Огромное богословско-философское и конфессиональное значенiе имѣетъ продолженiе «Главъ о троичности» о. Сергiя Булгакова (см. «Православная мысль» вып. I). Пневматологiя противъ психологiи въ ученiи о троичности — вотъ какъ можно вкратцѣ резюмировать основную цѣль и задачу этого отдѣла «Главъ о троичности». Пресвятая Троица, какъ соборъ и «соборность сознанiя» — вотъ безконечно дорогiя и автору этихъ строкъ понятiя, съ которыми и онъ въ свое время выступалъ печатно. Утвержденiе этихъ истинъ, особенно важно въ наше время, когда находятся епископы, имѣющiе смѣлость утверждать, что соборность есть «выдумка мiрянъ». О. Сергiй Булгаковъ выступаетъ противъ всѣхъ ставшихъ классическими сравненiй и уподобленiй, которыми стараются приблизить догматъ троичности къ обыденному, я бы сказалъ, обывательскому сознанiю, вслѣдствiе чего психологизируется и рационализируется самъ догматъ. Этимъ дѣлаютъ его, между прочимъ, беззащитнымъ отъ плоской критики вродѣ той, къ которой прибѣгаютъ iудайсты, магометане, рационалисты и толстовцы. О. Сергiй Булга-

Ковъ властно во имя истины требуетъ перехода отъ натуралистическихъ и психологистическихъ аналогій къ персоналистической феноменологіи. «Общая черта метода аналогій — говоритъ онъ, — имѣющихъ дѣло съ природнымъ или психологическимъ міромъ, но не обращенныхъ непосредственно къ личному сознанию, таковы, что всѣ онѣ совершаютъ *ignotatio elenchi*, проходятъ мимо дѣла. Вмѣсто троичности и единосущія въ св. Троицѣ ими иллюстрируется просто тройственность или троякость какого либо явленія или какихъ либо явленій и отношеній — иначе говоря всѣ онѣ «не на тему». Отъ себя мы прибавимъ, что все это бессильное разсуддальчество (напр. въ «Догматическомъ богословіи» Макарія I, 209) вся аллегорическая (а не символическая) и рационалистическая реторика стали характернымъ свойствомъ казеннаго «богословія», вобравъ въ себя самые дурные отбросы язычества и латинства. Корни всего этого въ латинскомъ богословіи и въ августинизмѣ съ его психологическими аналогіями. Они представлены и у насъ, въ такъ наз. нравственно-психологической школѣ митрополита Антонія, представляющей своеобразную комбинацію толстовства, кантіанства, и лѣваго протестантизма ритгліанскаго типа. Вѣдь все западное богословіе, какъ католическое, такъ и протестантское, взшло на августиновскихъ дрожжахъ. «Вмѣсто того, чтобы исходить изъ пресв. Троицы, блаж. Августинъ беретъ въ основаніе нѣкоторыя дѣятельности или способности человѣческой души, которыя, посредствомъ абстракціи, превращаются у него не то въ сущности, не то въ лица, почти персонифицируются» (стр. 60). Особенно характерно у него сопоставленіе воли съ Духомъ Святымъ и съ любовью. Этотъ волюнтаризмъ въ ученіи о Духѣ Святомъ тѣсно связанъ съ рационализмомъ вообще. Блестящая критика *filioque*, данная о. Сергіемъ Булгаковымъ, какъ бы мимоходомъ, основана на вскрытіи характерной для латинства унификаціи Сына и Отца и деградаціи Святого Духа. Все это показываетъ намъ, что внѣ спеціальной пневматологической феноменологіи не можетъ быть здоровой триадологіи.

Не менѣе характерно для официальнаго богословія замалчиваніе проблемы образа Божія въ человѣкѣ, составляющей особую тему статьи В. В. Зѣньковскаго. Авторъ «Проблемы психической причинности» съ справедливымъ недоумѣніемъ отмѣчаетъ тотъ странный и прискорбный фактъ, что «по такому существенному пункту не достигнуто единомыслія» (стр. 102) и далѣе прибавляетъ: «можно безъ преувеличенія сказать, что догматическое раскрытіе ученія объ образѣ Божіемъ было до сихъ поръ недостаточнымъ и неполнымъ» (стр. 103). У автора этихъ строкъ есть свое мнѣніе насчетъ «потускненія» ученія образа Божія въ человѣкѣ, превращенія его въ безплодную,

ненужную риторику» (стр. 106). Причина та, что сама историческая церковность въ лицѣ жрецовъ и, нечего грѣха таить, сплошь и рядомъ самихъ отцовъ, испугавшись возвеличенія «раба» и «червя» (Библию подвергать цензурѣ было уже поздно) предпочли молчаливо отступить передъ пессимистическимъ натурализмомъ, увидѣвъ въ немъ непріятнаго, но все же союзника по челоуѣконенавистничеству. Все дѣло въ язвѣ хульнаго обсукурантизма, живущаго въ эмпирической церковности и дѣйствующаго въ ея духоборческомъ жречествѣ. Это особенно ярко вывилось въ «Житіи и терпѣніи св. Авраамія Смоленскаго» проанализированномъ въ тонко награвированной статьѣ Г. П. Федотова.

Богословіе есть пѣніе и богословъ можетъ сказать «пою Богу моему донедже есмь». И какъ всегда до нашихъ дней это пѣніе вызываетъ вой, лай и ревъ станинской своры обсукураторовъ, сплошь и рядомъ въ священническихъ и монашескихъ одѣянїяхъ.

Святоотеческому ученію о смерти крестной посвящена блестящая статья проф. Г. В. Флоровскаго. Многоученный и талантливый авторъ, можно сказать, стѣснилъ себя святоотеческой письменностью, какъ бы утонувъ въ ней и ничего не оставивъ на свою долю. Однако мысль Г. Ф. Флоровскаго чувствуетъ себя превосходно въ этихъ тяжелыхъ dospѣхахъ. Можно сказать, что на подобіе древнихъ талмудистовъ авторъ воздвигъ вокругъ евангельской темы гигантскую ограду изъ святоотеческой литературы. Любопытно, что столь интересная статья получилась благодаря (не несмотря, а именно благодаря) чистотѣ отрицательнаго ея заданія — максимальнаго изгнанія гнозиса. Но — *le roi est mort, vive le roi* — и тяжеловѣсная ученость и суровая ортодоксальность автора будить мысль именно въ направленіи православнаго гнозиса, будить буквально въ каждой своей до предѣла насыщенной содержаніемъ строчкѣ. Это — одно изъ главныхъ достоинствъ статьи.

*В. Н. Ильинъ.*

Май 1931. Парижъ.

*Н. О. Лосскій. Цѣнность и бытіе. YMCA Press 1931.*

Вопросъ, которому посвящена новая книга Н. О. Лосскаго, несомнѣнно принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ вопросовъ философіи. Въ наивномъ міроотношеніи понятія бытія и цѣнности неотдѣлимы одно отъ другого, но въ философскомъ сознаніи понятіе цѣнности очень рано субъективируется, существенно отдѣляется отъ понятія бытія. Черезъ всю исторію проходитъ это раздвиженіе метафизики и этики, но своего наиболѣе закон-